

*Все события и персонажи вымышлены,
совпадения с реальностью случайны.*

В России расстанутся навсегда.
В России друг от друга города
столь далеки,
что вздрагиваю я, шепнув «прощай».
Рукой своей касаюсь невзначай
ее руки.

Длиною в жизнь любая из дорог.
Скажите, что такое русский Бог?
«Конечно, я приеду».
Не приеду никогда.
В России расстанутся навсегда.

Борис Рыжий

ПРОЛОГ

Осень в Довиле¹ выдалась солнечной, звонкой, но, впрочем, какая уж там осень — всего лишь середина сентября.

«В России примета такая была, — рассказывала в детстве мама, поглаживая Весну по мягким волосам, — если на Осенины в воздухе много паутины носится, значит, лютая будет зима, конца не видать...»

Но теперь конец был близок. В охристом свечении заходящего солнца танцевали мелкие пылинки, медленно кружилась по кухне прозрачная паутина, и Весна пыталась ухватиться за нее угасающим взглядом, как за спасительную нить. А та, расщепляясь на сотни тонких волокон, предательски рвалась у нее на глазах. Казалось, воздух отчего-то сгущается, заполняя липкой массой ее ноздри и рот, и не проникает внутрь: беспомощно хватаясь за горло, Весна задыхалась.

Из приоткрытого окна доносился рокот несущихся вдоль океана машин, истеричный клекот чаек, но этот внешний мир стремительно удалялся, затихал, заглушаемый надсадным звуком ее ущемленного дыхания.

¹ Престижный морской курорт во французской Нормандии, где проводятся конные бега, культурные фестивали и выставки.

Корчась в мучительных спазмах, Весна приподняла голову, чтобы еще раз хотя бы взглядом попросить о помощи того, кто находился в комнате. Она уже не могла его видеть, но ощущала немое присутствие.

На секунду ей показалось, что плотная тень возле входной двери шелохнулась, двинулась было навстречу... и замерла.

«Ну ударь меня, ударь! — прокричала Весна что было сил про себя, тщетно пытаясь протолкнуть звук сквозь отекающую трахею, понимая, что время вышло и сознание покидает ее. — Всего один удар... и я смогу дышать! Ну давай же! Ты мне... должен...»

Голова ее беспомощно качнулась из стороны в сторону и, с глухим звуком ударившись о грубую плитку пола, в последний раз дернулась и замерла. Вслед за ней длинные и тонкие, как у водомерки, конечности содрогнулись в предсмертной конвульсии и тут же обмякли. А в покрасневших от напряжения глазах, неподвижно уставившихся в потолок, застыло беспомощное: «Ты мне... должен...»

ДОВИЛЬ

Сквозь узкую прореху в плотном слое облаков, пришедших накануне с Атлантики и затянувших небо над Довилем, прорвался яростный луч солнца. Еще влажный после ночного дождя песок городского пляжа, усеянный осколками ракушек и бурными водорослями, тут же заиграл нежной цветовой палитрой. Вслед за ним заискрилась мутноватая поверхность растревоженного непогодой океана.

Кутаясь в легкий плащ, который больше подходил для промозглого Парижа, чем для брутально-ветреной Нормандии, Оливия шагала рядом с Родионом, которому внезапное ненастье, казалось, было в удовольствие. Он уже совершил утреннюю пробежку вдоль берега, принял горячий душ, сварил для них обоих кофе, а затем, намотав шарф вокруг щетинистой шеи, потащил ее на прогулку.

— В бархатный сезон ты, конечно, предпочла бы оказаться на Крите или Корфу... но только посмотри, Иви, какие краски, какой колорит! Неужели тебе не нравится?

Оливия пробормотала что-то одобрительное и подняла повыше воротник, стараясь не отставать от своего спутника. Родион, с его немалым ростом и длинными ногами, умел перемещаться чрезвычайно быстро,

что для репортера было большим преимуществом. А в его нынешнем расследовательском ремесле скорость и вовсе была решающим фактором, поэтому Родион делал в ускоренном темпе абсолютно все: торопливо ел, коротко спал, молниеносно соображал и стремительно передвигался. Она со своей балетной сноровкой с трудом за ним попевала, но он как будто этого не замечал: отмахивал шаг за шагом по дощатому променаду Ле-Планш, разглядывая надписи на барьерах, разделяющих пляжные кабинки американских звезд экрана¹.

— Клинт Иствуд, Шон Коннери, Элизабет Тейлор... Интересно, появятся ли здесь русские имена по окончании наших сезонов, — задумчиво произнес он, обивая с кроссовок налипший песок.

— Это вряд ли, — покачала головой Оливия, рассматривая керамическую мозаику над одной из дверей, ведущих в комнатку для переодевания и отдыха. — Я заглянула в пресс-релиз и программу: в этот раз на фестиваль приехали артисты балета, оперные исполнители и сценические художники. А вот русских кинозвезд, увы, не будет...

— У тебя запланированы какие-нибудь интервью?

— Да, все три первых дня буду бегать с одной площадки на другую — журнал выделил мне целый разворот под это событие. Кроме меня и помощницы главреда по-русски в редакции никто не говорит. А тут Ходкевич, Сотникова, Юмашев — хочется по-

¹ С 1975 г. в Довиле проходит ежегодный Американский кинофестиваль. Вдоль всей береговой линии обустроены именные кабинки, в которых киноактеры могут переодеться перед выходом на пляж.

общаться с каждым из них, когда еще выпадет такой шанс!

— А как же красавец Джибладзе? Или у звездного премьера не нашлось времени для беседы с ведущим французским изданием?

Оливия покачала головой.

— Джибладзе нарасхват... Хотя под такой эксклюзив можно было бы получить дополнительную полосу. — Она задумчиво потерла кончик носа. — Если честно, это был бы мощный козырь — редактор и так уже намекал, что с сентября они готовы заключить со мной постоянный контракт.

Родион притянул ее к себе и подумал: оказаться в начале карьеры под крылом самого Танги дорогого стоит...

— Это здорово, — искренне признался он, понадеявшись, что его реплика не прозвучит как издевка.

Оливия покосилась на него с подозрением и вздохнула: она-то знала, чего стоила ей эта стажировка в команде престижного журнала «Эритаж», которую возглавлял бескомпромиссный редактор Поль Танги. Весь университетский учебный материал приходилось осваивать по ночам, но после истории с обнаружением скульптуры Монтравеля, похищенной нацистами во время Второй мировой войны и с тех пор считавшейся безвозвратно утерянной, на факультете к ней относились очень уважительно. Настолько, что суровый Кубертен дважды давал ей отсрочку со сдачей промежуточных работ и написал рекомендательное письмо для «Эритаж», куда ее тут же пригласили поработать внештатным культурным обозревателем.

О том, что в этом году ей предстоит заниматься освещением Русского творческого фестиваля в Довиле,

Оливия узнала в последний момент: опыту и сноровке зрелых репортеров главред неожиданно предпочел владение языком и понимание «культурного кода», которые были в арсенале молодой и перспективной стажерки.

По редакции, правда, тут же поползли смешки: похоже, ни один корифей французской журналистики не способен устоять перед обаянием этой девчонки — сначала расследователь Родион Лаврофф (но тут-то ладно, у него с Оливией хотя бы общие русские корни), а теперь и маститый редактор Поль Танги... Однако раздуть из этих домыслов скандал мешало одно: Танги был немолод, а главное, слишком циничен и осторожен, чтобы ввязываться в подобную интрижку на глазах у всего коллектива.

Оливия сплетни игнорировала, поддерживая вопреки всему дружеские отношения с репортерской братией и обзаведясь несколькими надежными друзьями среди фотокоров. С ними делить ей было нечего, и вся компания частенько отправлялась на аперитив в соседнюю забегаловку под игривым названием «Пуркуа па?»¹. Там удавалось обсудить новости медийного мирка и обменяться полезными контактами.

«Надо бы позвонить кому-то из своих, — думала Оливия, уступая дорогу эффектной азиатке со спицей на длинном поводке, — вдруг они отыщут человека, способного уломать Джибладзе дать мне интервью...»

Ее размышления были прерваны гнусавым объявлением, прозвучавшим одновременно из нескольких громкоговорителей, прикрепленных к фонарным столбам:

¹ Pourquoi pas? — Почему бы нет? (*фр.*)

— Родители маленького Ришара, немедленно подойдите к спасательной будке! Ребенок потерялся и очень вас ждет!

В этот же момент загорелая женщина в спортивном костюме, безмятежно сидевшая за столиком прибрежного кафе, выгребла из кармана горсть мелочи, не глядя высыпала ее в блюдце и бросилась в направлении насеста с красным крестом, торчащего на высоких сваях посередине довьильского пляжа.

Родион тут же развернулся и успел занять освободившееся место — буквально за секунду до того, как к нему подскочил господин в замшевой куртке и вычурном шейном платке. Мужчина, вскинув в недоумении ухоженные брови, изобразил ими недовольство и нехотя ретировался, оглядывая кафе в поисках новых возможностей.

— Марк, ну что вы в самом деле! Идите же сюда, что вас вечно тянет в народ! — раздался откуда-то слегка надменный женский голос.

Оливия, приблизившаяся было к оккупированному Родионом столику — на первой линии с видом на променады и алмазную гладь Ла-Манша, — обернулась. За серповидной аркой с надписью: «Пляж «Солнечного бара» на дощатой палубе, утопавшей в песке, были расставлены изящные столики и кресла. Рядом с ними поблескивали никелевыми боками ведерки для льда, а сверху нависали тугие купола сине-желтых солнцезащитных зонтов.

У самого длинного стола, рассчитанного на восемь персон и отгороженного от остальных декоративной ширмой, стояла элегантная дама. В тонком кашемировом кардигане, свободных брюках, струящемся шелковом шарфе и объемных темных очках на остром аристократичном лице, она напоминала одну из тех